

*Н.М. Ергина***Классовая борьба в условиях проведения кампании
перевыборов Советов Мордовского округа
(1928–1929 гг.)***N.M. Ergina***Class Struggle in the Conditions of Soviets
Re-Election Campaign in the Mordovian Okrug
(1928–1929)**

Описываются особенности проведения кампании перевыборов Советов Мордовского округа в 1928–1929 гг. Определяются причины активного желания лишенцев восстановиться в избирательных правах и участвовать в перевыборной кампании. Приводятся примеры различных проявлений классовой борьбы. Указываются итоговые количественные данные лишенных избирательных прав в целом по стране, а также отдельно по Мордовскому округу.

Ключевые слова: избирательное законодательство, кампания по перевыборам Советов, лишение избирательных прав, дискриминационная политика советского государства, лишенцы, кулачество, классовая борьба.

После прихода к власти большевиков в 1917 г. перед ними встала проблема создания новой формы государственности в стране. Одной из первоочередных задач, решаемых в этой связи, было создание новой системы управления государством. В соответствии с существовавшей революционной традицией и представлениями о характере новой власти идеалом политического устройства считалась республика Советов. В связи с этим в советском государстве, начиная с 1918 г., практически ежегодно проходили перевыборные кампании Советов, призванные стать широкой формой вовлечения граждан страны в государственное строительство.

Однако не все жители страны имели возможность участвовать в выборах Советов. Немалое значение в избирательном законодательстве имело лишение избирательных прав определенных категорий населения.

Конституция РСФСР 1918 г. указывала группы населения, которые не имели права избирать и быть избранными в Советы. К таковым были отнесены: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшей

The article covers the features of the Soviets re-election campaign in the Mordovian Okrug in 1928–1929. The author determines reasons for a nonvoter's yearning for being reinstated in electoral rights and taking part in re-election campaign. There are some examples of various manifestations of class struggle. Total data of the persons deprived of electoral rights throughout the country as well as separately in the Mordovian Okrug are provided.

Key words: electoral law, campaign for Soviets re-election, deprivation of electoral rights, nonvoters, kulaks, discriminatory politics of the Soviet government.

в России династии; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за преступления на срок, установленный законом или судебным приговором [1, с. 18–19].

Первоначально лишение избирательных прав носило характер политико-идеологической акции, сопутствующей подавлению и ликвидации «эксплуататоров». Постепенно оно превратилось в одну из важных областей социальной политики большевиков по отношению к непролетарским слоям общества, поэтому данная дискриминационная мера оказывала существенное влияние на положение значительной части населения советской республики.

Само лишение избирательных прав как мера устранения части населения от выборов само по себе не являлось новшеством советской власти. Однако именно большевики установили прямую зависимость между наличием избирательного права и другими правами. Основная проблема для «лишенцев» советской республики (так в то время называли данных лиц) заключалась не столько в невозможности реализовать избирательное право, сколько в одновременном утративании политических, социальных и экономических благ, предоставляемых государством.

Прежде всего дополнительное ограничение для лиц, лишенных права участия в выборах в Советы (отсутствие права защищать советскую республику с оружием в руках), определила Конституция 1918 г.

[1, с. 19]. Если призывник являлся членом семьи лишенца, то его зачисляли в тыловое ополчение [2, л. 27] или в штрафную роту [3, л. 421].

Впоследствии список ограничений для лишенцев значительно возрос. Так, единовременные чрезвычайные налоги на содержание Красной Армии прежде всего «взыскивались сполна с городской буржуазии и деревенских кулаков» [4, л. 26]. Лишенцы не могли быть народными заседателями в судах [5, л. 119], не имели права избираться сельскими исполнителями, облагались дополнительным денежным налогом, сбором по покрытию расходов на охрану общественного порядка, обеспечению личной и имущественной безопасности или на благоустройство селений [6].

Система привилегий, существовавшая в советской республике с первых месяцев ее основания, еще более усложнила положение лишенцев. Их труд оценивался по низким расценкам. Они не получали никаких пособий, обеспечивающих «прожиточный минимум», вознаграждений за сверхурочную работу, компенсаций за жилье и питание. Лишенцев не включали в систему снабжения продуктовыми и потребительскими товарами. Нормирование, охватившее с 1918 г. большую часть товаров, также напрямую зависело от социального статуса гражданина [7, с. 19].

Уголовный кодекс 1926 г. (ст. 31) гласил: «Поражение в избирательных правах подразумевает лишение права занимать выборные должности в государственных и общественных организациях, носить почетные звания, на получение пенсий, выдаваемых в порядке социального страхования и государственного обеспечения» [6].

Постановлением СНК РСФСР от 20 декабря 1926 г. было легализовано взимание платы за обучение с «лиц, занимающихся сельским хозяйством или промыслами, которые лишены избирательных прав, и служащих различных култов» [8, л. 3–4]. Решением от 11 января на развитие «всеобщей бесплатной школы» была установлена плата «с родителей кулацких слоев населения... лишенных избирательных прав» [8, л. 1]. С 24 января в сельских местностях начали брать плату за обучение «в школах второй ступени, в соответствующих группах школ семилеток и девятилеток и других учебных заведениях социального воспитания повышенного типа» с лиц, занимающихся торговлей или владеющих промышленными предприятиями [8, л. 2].

В 1928–1929 гг. была введена карточная система, предназначавшаяся только для «трудящегося населения и членов их семей» и исключавшая лишенцев. «Безработица, выселение из квартиры и города, лишение продуктовых карточек, медицинской помощи и пенсии, изгнание детей из школы, отчуждение друзей, сослуживцев и родных – такова была перспектива для лишенного права избирать и быть избранным в Советы» [7, с. 19]. Впоследствии список ограничений пополнялся.

Перевыборам Советов 1928–1929 гг. придавалось важнейшее политическое значение. Одной из главных политических задач являлось «повышение активности рабочих и беднейшего крестьянства, укрепление их союза с середняком, направленного на полнейшую изоляцию кулачества, нэпманов и других антисоветских элементов» [9, с. 4]. Политбюро ЦК ВКП(б) в декабрьском (1928 г.) решении закрепил курс на ужесточение требований к избирательной кампании, что указывало на необходимость обострения классовой борьбы [10, л. 2].

Чтобы «добиться решительной изоляции кулака в деревне», в перевыборах требовалось принять самое активное участие всем государственным и общественным организациям. В частности, об этом говорилось в директивном письме наркома юстиции от 24 октября 1928 г.: «На работников суда и прокуратуры ложится обязанность максимального участия и проведения выборов в Совет». В ведение работников суда и прокуратуры входило, помимо прочего, обеспечение со стороны сельсоветов и исполкомов при составлении списков лишенцев правильного применения инструкции о выборах в Советы, а также дополнений и разъяснений к ней. Во время перевыборной кампании им необходимо было «вскрывать связь выдвигаемых в Советы кандидатов с кулацкими слоями деревни и вообще с классово-враждебными пролетариату элементами», если таковое имело место. Ответственность за уклонение избирательных комиссий от лишения избирательных прав «кулаков и эксплуататоров» также падала и на местных работников юстиции. Представители прокуратуры также должны были обеспечивать законное проведение перевыборных собраний и не допускать на них лиц, лишенных политических прав. Кроме того, работники прокуратуры обязаны были следить за правильностью лишения избирательных прав, опротестовывать неправильные постановления избирательных комиссий по заявлениям и жалобам [11, л. 54–57]. Мордовский окрисполком в циркуляре от 7 декабря 1928 г. рекомендовал прежде всего провести работу представителям юстиции в тех местностях, где «деятельность суда не была достаточно освещена» в отчетах о проведении перевыборной кампании [11, л. 52–53].

Мордовский окружной комитет ВКП (б) в циркуляре всем райкомам и ячейкам ВКП(б) от 9 ноября 1928 г. предупреждал, что кулачество и другие антисоветские элементы «проявят большую активность и изворотливость во время перевыборов, ...осуществляя попытки закрепления своего влияния в деревне». Одной из причин этого указывалась культурная отсталость деревенских масс и национальные особенности мордвы [12, л. 300].

ВЦИК рекомендовал избирательным комиссиям «особо серьезное внимание уделить составлению списков лиц, лишенных избирательных прав, согласно

избирательной инструкции. Исполкомы, сельсоветы и избиркомиссии должны принять действительные меры, обеспечивающие полное устранение от выборов лиц, предусмотренных ст. 14 и 15 инструкции по перевыборам в Советы» [13, л. 38].

В итоге произошел рост численности лишенных избирательных прав. Общая численность лишенцев в стране составила 3 млн 716 тыс. чел. (увеличение по сравнению с предыдущими перевыборами на 22,0%) [14, л. 53–55].

По Мордовскому округу число лишенных избирательных прав составило 27 256 чел. (4,5%) [15, л. 339] (см. табл.).

Сведения о количестве лишенцев в Мордовском округе в 1928–1929 гг.

№ п/п	Наименование района	Количество лишенцев, чел.
1	Ардатовский	738
2	Атяшевский	817
3	Ачадовский	822
4	Беднодемьяновский	1174
5	Дубенский	793
6	Ельниковский	1087
7	Зубовополянский	1123
8	Инсарский	1775
9	Ковылкинский	916
10	Козловский	740
11	Кочкуровский	786
12	Краснослободский	868
13	Наровчатский	1552
14	Ромодановский	1305
15	Рузаевский	1725
16	Рыбкинский	1570
17	Саранский	1713
18	Старошайговский	1371
19	Тальзинский	925
20	Темниковский	1207
21	Теньгушевский	743
22	Торбеевский	1577
23	Чамзинский	1929
	Итого:	27256
	Соотношение лишенцев к избирателям, %	4,5

Тем не менее, несмотря на внешне большую подготовительную работу, уже в отчетно-предвыборной кампании, проходившей в Мордовском округе в декабре – начале января 1929 г., обнаружилось серьезные трудности при выполнении поставленной задачи. Можно указать причины этого. Но самые главные из них – это, с одной стороны, желание зажиточной части населения повлиять на социально-политическую обстановку на селе, с другой стороны, недостаточная работа партийного руководства среди бедноты.

Перевыборы Советов характеризовались острой классовой борьбой, которая проявлялась в самых раз-

личных формах. Причем активность кулачества возрастала по мере развертывания отчетно-перевыборной кампании.

Если бедняков советскому руководству приходилось уговаривать приходиться на отчетно-перевыборные собрания, то зажиточная часть крестьянства активно готовилась к перевыборам и, несмотря ни на что, на собрания приходила достаточно дружно. Достаточно показательной здесь является история, когда в с. Макаровке Саранского района торговец, лишенный избирательных прав, пришел на общее отчетное собрание. Ему было сказано, чтобы он ушел. После повторной просьбы он стал уходить, а «подкулачники» закричали ему: «Не уходи, ты ведь такой же общественник». Несмотря на просьбы вернувшегося лишенца о том, чтобы его не удаляли с собрания, председатель сельсовета и актив бедняков и середняков добились своего [16, л. 783]. Доходило даже до смешного: в с. Кочкурово Кочкуровского района сын кулака пришел на собрание женщин переодетым в женское платье [15, л. 247].

В качестве аргумента своего настойчивого желания участвовать на собраниях зажиточные крестьяне приводили утверждение: «Советская власть должна отнестись одинаково ко всем, без подразделения на зажиточных, середняков и бедняков» [15, л. 233]. «Зачем это разделение, ведь все мы люди», – говорили лишенцы с. Акимовщина Наровчатского района [15, л. 234].

Кулачество всеми способами стремилось продвинуть свои кандидатуры на общих собраниях, часто через подставных лиц [16, л. 996], как это было, например, в с. Н. Ковыляй Ельниковского района [16, л. 736об.].

Больше всего кулаков интересовали выборы председателя сельсовета. Там, где в председатели намечалась кандидатура от представителей бедноты и батрачества, кулаки стремились сорвать организационное заседание сельсовета. Например, в с. Ломаты Дубенского района на организационное заседание ворвалась группа людей в нетрезвом виде, в которую входили зажиточные крестьяне и подкулачники. Главным их требованием было то, чтобы не назначать в председатели сельсовета крестьянина-бедняка, так как «он ничего в своем хозяйстве не имеет». Они пытались убедить собравшихся в том, что председателем необходимо выбрать зажиточного крестьянина. В с. Талызине того же района необходимость выбора зажиточного крестьянина объяснялась тем, что председатель из бедняков будет за недоимку налога забирать «овец и другое имущество» [16, л. 724–725]. В с. Б. Танеевка в председатели сельсовета была выдвинута кандидатура «пьяницы и укрывателя от обложения сельхозналогом зажиточных слоев крестьянства» [15, л. 231]. «Нужно выдвигать самостоятельных, а не голытьбу», – говорили зажиточные крестьяне на собраниях [15, л. 271].

Во время подготовительной работы организации сельской избиркомиссии в одном из сел Наровчатского района представители кулацкого слоя населения говорили, что «как бы беднота не организовывалась, но их номер не пройдет, так как у них подготовлены в состав сельсовета свои кандидаты». Они также утверждали, что бедняки все равно весной к ним придут за помощью, поскольку сами ничего не имеют [16, л. 29об.].

Нередкими были и случаи срывов собраний. Так, в одном из татарских сел Ромодановского района мулла, для того чтобы сорвать отчетную и предвыборную кампанию, подготовил «тридцативедерную бочку алкоголя и всю неделю в период отчетной кампании спаивал крестьян». В итоге назначенные по плану дни собрания срывались. Проведены они были с большим опозданием и то после того, как в эту ситуацию вмешался уполномоченный райисполкома [16, л. 329]. Были случаи, когда зажиточная часть жителей посылала различные реплики выдвинутым кандидатам: «шантрапа» или в адрес женщин: «пускай варит похлебку» [16, л. 736об.].

Документы свидетельствуют о том, что активность кулачества главным образом проявлялась в критике как мероприятий советского правительства в целом, так и его отдельных представителей. Зажиточные крестьяне стремились подорвать авторитет членов сельсоветов из бедняков, чтобы на перевыборах иметь возможность заменить их состав. Так, например, зажиточный крестьянин с. Танеевка Саранского района заявлял, что крестьянство запугано разными налогами и займами и поэтому не идет на собрания. Он пояснял, что «во всех учреждениях творится безобразие, порядка нигде не найти. Линия правительства взята неправильно. Рабочие и служащие получают жалование по 100–200 рублей и при этом не облагаются никакими налогами, тогда как крестьянин с доходом 500–600 рублей в год облагается всеми возможными налогами. Поэтому в сельсовет надо выбирать зажиточных, так как они навредить не смогут» [16, л. 230]. В Темниковском районе зажиточные причину тяжести налогов возлагали на местные сельсоветы и агитировали голосовать за тех, кто освободит всех от налогов, т.е. за себя [16, л. 180об.]. Владельцы предприятий с. Кученяево Ардатовского района пытались доказать прибывшему для обследования местного сельсовета инструктору окрисполкома то, что ответственные работники Ардатовского райисполкома во главе с председателем отказываются разговаривать с представителями национальных меньшинств (мордвой) и объяснять им возникающие вопросы [15, 190–191об.]. В с. Мокшалай Чамзинского района кулачество в своих выступлениях руководилось такими лозунгами, как «стадо хорошее, но плохой пастух», «крестьянство беднеет, власть создает лодырей», «налог собирать не с дохода, а с земли», «земля поделена поровну всем и повинности нести всем поровну» [16, л. 534].

Естественно, не всегда подобные донесения и жалобы отражали истинную обстановку. Например, в с. Андреевка Талызинского района зажиточные крестьяне жаловались, что местная школа не обеспечена дровами. Причину этого они указывали в бездеятельности председателя сельсовета. При расследовании данного инцидента выяснилось, что незадолго до этого, на сельском сходе председатель сельсовета ставил вопрос о вывозе дров для школы, однако зажиточная часть села настояла на том, чтобы отказаться от этого. Использовалась в своих интересах даже самокритика советских работников. Например, в с. Кабаево Дубенского района с должности председателя сельсовета за несоблюдение классовой линии при проведении самообложения был снят комсомолец. Зажиточные же заявили, что партийные поступают хуже беспартийных, так как «сами себя выбирают в Советы, сами делают беззаконие, а потом сами же себя снимают с работы» [15, л. 190–191].

Для повышения своего авторитета зажиточные не скупались на обещания и подарки. В Атяшевском районе содержатель мельницы, лишенный избирательных прав, предлагал представителю актива бедноты бесплатно помолоть зерно, обещая дать хлеба взаймы. Взамен просил содействия в восстановлении ему избирательных прав [17, л. 125]. В с. Высокое Наровчатского района торговец, лишенный избирательных прав, предлагал члену местного избиркома «шапку за 37 рублей», если тот добьется восстановления его в избирательных правах [15, л. 247]. Один лишенец из с. Пензятка Саранского района обещал вывезти весь свой хлеб государству, если его восстановят в избирательных правах [16, л. 208].

Если обещания не помогали, то в ход шли угрозы. В с. Мизеряке Наровчатского района кулаки грозили: «Если нас лишите голоса, то мы вам отомстим» [15, л. 271]. В селениях, где была слабая обеспеченность скотом, кулаки угрожали, что если бедняки будут выступать против их кандидатов, то они не станут пахать их пашню даже за деньги [17, л. 125]. Член Нечаевского сельсовета Саранского района Кудяев за обложение сельхозналогом арендаторов земли и резкое проведение классовой линии услышал в свой адрес: «Ты б (...) дождешься. Зарежем и в Карнай (название реки. – *Н.Е.*) головой» [15, л. 232].

Угрозы нередко воплощались в активные действия. В сводках о проведении перевыборной кампании отмечались случаи, когда лишенцы вступали в «открытую борьбу» с представителями местной власти (убийство комсомольца в с. Рыбкино, попытка избивания уполномоченных в Полянском районе [18, л. 57], избивание члена сельсовета в Наровчатском районе [15, л. 235] и т.п.). В других районах поджигали дома советских работников. Так, в Ардатовском районе был сожжен двор председателя крестьянского комитета [15, л. 216], а также дом и сенница председателя сельсовета

и сельизбиркома [15, л. 232]. В ст. Синдрово Краснослободского района два кулака пришли на собрание женщин в пьяном виде, всех разогнали и попытались избить одну из них [15, л. 295].

И все же, несмотря на проведенную работу, эта перевыборная кампания привела к тому, что в состав некоторых сельских Советов прошли зажиточные крестьяне. Например, в с. Маколово Чамзинского района председателем сельского совета был избран торговец, занимающийся скупкой и перепродажей разного товара, в с. Атемар Саранского района должность председателя Атемарского сельского крестьянского комитета и члена правления общества потребителей занял бывший монах, по закону лишенный избирательных прав [19, л. 197]. В с. Хлыстовка Краснослободского района все члены сельсовета оказались арендаторами земли и «имели тесную связь с мельниками и кулаками» [15, л. 249].

Состав нового Совета с. Александровка Ельниковского района оказался преимущественно зажиточным

[16, л. 736об.], Николаевский сельсовет Саранского района оказался на 80% зажиточным [15, л. 305].

Таким образом, проанализированные нами материалы показывают, что во время кампании перевыборов Советов 1928–1929 гг. в советском государстве был усилен масштаб репрессий на кулачество. Перевыборы проводились в обстановке действия чрезвычайных мер и «решительного наступления на кулака». Одной из мер, которой власти пытались воздействовать на крестьян, было лишение избирательных прав, что вело к значительному увеличению количества лишенцев как в целом по стране, так и на территории Мордовского округа в частности. В свою очередь, лишенцы стремились воздействовать на ход перевыборов, выдвигая своих представителей в органы власти. В своей активности они не пренебрегали никакими средствами. В ход шли всевозможные уговоры, обещания, угрозы, избивания и т.п. В итоге их труды оказались не напрасными – в ряде сельских Советов оказались представители зажиточных крестьян.

Библиографический список

1. Конституция РСФСР от 10 июня 1918 г. – М., 1920.
2. Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Мордовия» (ГУ «ЦГА РМ»). – Ф. Р-270. – Оп. 1. – Д. 58.
3. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иванова. – М., 1989.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). – Ф. Р-200. – Оп. 3. – Д. 173.
5. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-270. – Оп. 1. – Д. 105.
6. СУ РСФСР. – 1924. – №28. – Ст. 266.
7. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930–1936. – М., 1995.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. – Оп. 140. – Д. 723.
9. Задачи и план проведения кампании перевыборов сельских и городских советов и районных исполкомов по Мордовскому округу в 1928–29 году. – Саранск, 1928.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 717.
11. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 26.
12. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-149. – Оп. 1. – Д. 80.
13. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. Р-2. – Оп. 4. – Д. 227.
14. ГАРФ. – Ф. Р-3316. – Оп. 20. – Д. 968.
15. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-149. – Оп. 2. – Д. 39.
16. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-149. – Оп. 1. – Д. 236.
17. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-149. – Оп. 1. – Д. 231.
18. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. П-87. – Оп. 1. – Д. 25.
19. ГУ «ЦГА РМ». – Ф. Р-165. – Оп. 1. – Д. 35.